

Документальный триллер

ВЛАДИМИР ВАРАВА

**СЕДЬМОЙ ДЕНЬ
СИЗИФА**

ЭССЕ О СМЫСЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
СУЩЕСТВОВАНИЯ

Москва
издательство
РОДИНА
2020

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

УДК 82-94

В 18

Варава В.В.

В 18 Седьмой день Сизифа. Эссе о смысле человеческого существования/ В.В. Варава. – М.: Родина, 2020. – 320 с.

ISBN 978-5-907351-65-3

Фигура Сизифа традиционно символизирует тягостное и унылое состояние бессмысленного труда, да и всей человеческой жизни. Начиная с библейских пророков и греческих мифов, и заканчивая современными писателями и режиссерами, проходит одна большая сквозная тема смысла и бессмысленности бытия, выраженная в известных словах Экклезиаста: «суета сует и томление духа».

В книге переосмыслена эта ситуация, в которой открываются неизведанные горизонты человеческого существования. «Бессмысленность» обнаруживает неожиданный ресурс свободы, счастья и смысла. В этом тайна «седьмого дня» Сизифа, в котором надежда обретает невиданную бытийную силу, ибо еще ничего не ясно...

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

УДК 82-94

ISBN 978-5-907351-65-3

© Варава В.В., 2020

© ООО «Издательство Родина»,
2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-----------------------	---

Часть I. Фундаментальная интуиция

«Дар напрасный, дар случайный»	9
Профанация мифа, или «Бесполезный труженик преисподней»	24
Библейский импульс	36
Бессмысленность и смерть	49
Вызов Кафки	61
Мука Платонова	74
«Туринская лошадь». Поминки по смыслу	84
Интуиция философии	95

Часть II. Катастрофы смысла

Мрак истории	109
Иллюзия «смысла жизни»	120
Ужас скуки	133
Похищенная смерть	145
Книжный Бог	158
Абсурд медийной культуры	172
Смысл деятельности	184
Улыбка Сиорана	194

Часть III. Еще ничего не ясно

«Amor fati»: апофеоз Ницше	208
«Odium fati»: апофеоз Федорова	221
«Человек есть тайна...»: мука и надежда Достоевского	235

Тайна беспечности	246
Ностальгия и надежда	261
Феноменология чуда	273
Смерть как «последний» шанс	287
Одиссея человеческого бытия, или Еще ничего не ясно . .	301
Ожидание, или Смысл бессмысленности <i>(вместо заключения)</i>	315

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Жалкая судьба человеческого рода, — как бы ни старался человек, он привязан к колесу Иксихона, он катит камень Сизифа, он обречен на муки Тантала. Нам положено желать, нам положено стремиться, но плодов своего труда мы не видим и в целой истории не узнаем результатов человеческих устремлений».

Гердер. *«Идеи к философии истории человечества»*

Мы всегда придаем смысл *страшному и непонятному*, отвоевывая себе пространство более-менее сносной жизни во тьме всегда надвигающейся *неизвестности*. Не будучи в силах вынести эту бессмысленную неизвестность и не умереть от ужаса, человек придает ей смысл. В умении наделять нечто смыслом усматривается основная метафизическая способность человека, отличающая его от всех остальных видов сущего.

Что же самое страшное и непонятное? Это жизнь, а в ней — смерть, Бог, судьба, история, природа, любовь, страдание, в конце концов — сам человек. Это наиболее «темные» области бытия, которые всегда приручаются посредством *труда и творчества*. В этом «смысл» человеческой деятельности — *духовное спасение от ужаса бессмысленного существования*. В этом же и «смысл» истории и культуры, которые держат человека в иллюзии и напряжении.

Но в итоге, те смыслы, которые человек придает страшному и непонятному блекнут, и человек смысловой крах. И он оказывается вновь и вновь у разбитого корыта, у самих истоков своего бытия. И он вынужден карабкаться по трудному пути разрушенных смыслов, по пути руин

его отчаявшегося духа. Чтобы снова добраться до замаячившей звезды смысла, которой суждено обратиться в ничто, стоит только немного к ней приблизиться. Это *проклятие Сизифа*, проклятие бессмысленности его труда, а значит, существования.

Но кто когда-нибудь думал не о бессмысленности этого мероприятия, а о его, может быть, самом простом и очевидном смысле? Кто думал о блаженной бессмысленности нашего существования, понять и выдержать которую, возможно, и есть самый истинный и сокровенный смысл, которого не понимали и которым пренебрегали, всегда убегая в толщу дел и проектов, идей и стремлений, метаний и иллюзий...?

Ни в коей мере нельзя думать, что бессмысленность человеческого существования — это продукт современной эпохи, «эры пустоты» с ее «духовным» или «антропологическим» кризисом. К современности, к постсовременности это не имеет никакого отношения. Современность ничего не добавляет к бытийному факту бессмысленности, который пронизывает все историческое существование человека, насколько оно нам доступно. Во все времена, во все эпохи, во всех культурах человеческое существование было одинаково бессмысленным. Сегодняшнее время не имеет никакой привилегии в этом плане. Культура лишь всегда прятала эту бессмысленность, придавая ей различные формы и виды.

Возможно, что сегодня философия обязана реабилитировать бессмыслицу, чтобы избавиться, наконец, от «ига смысла». Но не для «бессмысленного существования», а как раз для более осмысленного, которое и может наступить в случае признания, что все существующие смыслы есть лишь культурные, то есть *конвенциональные* образования, нужные для того, чтобы человек не умер от истины. Тот, кто движим философским эросом, не должен останавливаться ни перед каким «смыслом».

Часть I. Фундаментальная интуиция

Фундаментальная интуиция — интуиция бессмысленности существования — может быть выражена в простых и однозначных словах: «жизнь не имеет смысла». Что ж с того!? Это никого не пугает и не ужасает; люди не перестают жить от того, что сама жизнь не имеет смысла. Никто не знает никакого смысла, но все продолжают жить. Отсутствие смысла жизни несколько не снижает ее ценности; и совершенно «бессмысленная жизнь» не менее значима, чем какая-нибудь наполненная «смыслом» жизнь.

Вопроса бы вообще не было, или он был бы самым пустым вопросом, если бы не одно обстоятельство. Когда мы говорим о «смысле жизни» как о логической категории, то ненахождение такого смысла отнюдь не разрушает жизнь и в принципе вообще ей не мешает. Слово Достоевского о том, что надо «жизнь полюбить больше, чем смысл ее» относится как раз к такому, абстрактному, логическому, отвлеченному смыслу. Такой смысл относится к теории, к рациональной философии, и, честно говоря, оставляет совершенно справедливо равнодушным большинство живущих людей.

Но есть другой смысл, потеря которого или не обретение самоубийственна для человека. Этот смысл нельзя выразить ни в каких словах, не то, чтобы в рациональных категориях. Он живет в самой сокровенной глубине человека, составляя ее основу, оправдание и главный интерес.

«ДАР НАПРАСНЫЙ, ДАР СЛУЧАЙНЫЙ»

Высшие состояния, иногда посещающие человека, состояния, в которых приоткрывается таинственная завеса

существования, всегда наступают как неожиданность, как поэтическое прозрение. Эти состояния «нечаянной радости» или наоборот, ужаса и тревоги, прорываются вдруг в самую тусклую и скучную повседневность, озаряя ее каким-то непонятным светом и надеждой. Происходит соприкосновение с истиной, и действительность на время становится совершенно иной, нежели она представлялась в естественном потоке обычной жизни.

Эти состояния не могут быть объяснены психологически. Здесь вообще не поможет никакой логический анализ. Логика лишь узаконит, то есть оправдывает существующее, заклеив метафизические порывы духа как «туманные», невнятные и неразумные, непрактичные. Логика всегда расправляется с истиной, таким образом, заставляя человека влачить свое, увы, бессмысленное, но такое «логичное» существование.

Но человек никогда ничем не удовлетворен в своей жизни. И он не только не удовлетворен, он просто глубоко и безнадежно несчастлив.

Кто же оправдывает жизнь как жизнь с ее вечно-ускользающей сутью, с ее будоражащей душу безумной надеждой на смысл, любовь и бессмертие?

* * *

А. С. Пушкин написал легко и непринужденно, как и большинство всего, написанного им, такие строки: «Дар напрасный, дар случайный», имея в виду жизнь, жизнь как таковую, жизнь без пошлых иллюзий. Это не логический вывод, это прозрение-подозрение, поэтическая истина, та самая художественная правда, которая часто бывает поругана. Вот он этот стих:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?